
УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

УДК 343.45

СУЩЕСТВЕННЫЙ ВРЕД КАК ПРИЗНАК УГОЛОВНОЙ ПРОТИВОПРАВНОСТИ НЕЗАКОННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ ИНФОРМАЦИИ О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ И ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

К. С. ЗАХИЛЬКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается понятие «существенный вред» как признак уголовной противоправности незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных (ст. 203¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь). Определяются содержание этого признака и способы выявления существенного вреда как признака уголовной противоправности незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных. Анализируется причинно-следственная связь между незаконными действиями в отношении информации о частной жизни и персональных данных и их последствиями.

Ключевые слова: персональные данные; информация о частной жизни; уголовная ответственность; существенный вред; преступные последствия.

Образец цитирования:

Захилько КС. Существенный вред как признак уголовной противоправности незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022;2:58–68.

For citation:

Zakhilko KS. Significant harm as a criminal unlawfulness sign of illegal actions in relation to private life information and personal data. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;2:58–68. Russian.

Автор:

Кирилл Сергеевич Захилько – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры уголовного права юридического факультета.

Author:

Kiryl S. Zakhilko, PhD (law), docent; associate professor at the department of criminal law, faculty of law.
zakhilko@yahoo.com

SIGNIFICANT HARM AS A CRIMINAL UNLAWFULNESS SIGN OF ILLEGAL ACTIONS IN RELATION TO PRIVATE LIFE INFORMATION AND PERSONAL DATA

К. С. ЗАХИЛКО^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The concept of significant harm as a criminal unlawfulness sign of illegal actions in relation to private life information and personal data (art. 203¹ of the Criminal Code of the Republic of Belarus) is considered. The content of the sign and methods for determining of significant harm as a criminal unlawfulness sign of illegal actions in relation to private life information and personal data are determined. The causal relationship between illegal actions in relation to private life information and personal data and their consequences is analysed.

Keywords: personal data; private life information; criminal liability; significant harm; criminal consequences.

Введение

Существенный вред (в различных вариациях формулировок) – используемый в уголовном праве оценочный признак последствий. Исходя из законодательного назначения содержание данного признака определяется судом с учетом всех обстоятельств каждого конкретного дела. Более того, как справедливо отмечается в научной литературе, его толкование зависит от профессионализма, высокого правосознания и юридической грамотности лица, применяющего уголовный закон [1, с. 46]. Это обуславливает очевидное отсутствие законодательного закрепления понятия, критериев определения существенного вреда и повышает актуальность детального доктринального осмысления указанных обстоятельств применительно к каждому из видов преступлений, где используется названный признак.

Понятие «существенный вред» встречается в следующих статьях Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК): ст. 190, ч. 2 ст. 197, ст. 204, ст. 384, ст. 424–426, ст. 455 (в рамках признака «причинение существенного вреда правам и законным интересам гражданина»), ст. 369¹ (в рамках признака «направленность на причинение существенного вреда государственным или общественным интересам»), ст. 334, ч. 1 ст. 349, ч. 1 ст. 350,

ст. 352, ч. 1 ст. 355 (в рамках признака «причинение существенного вреда»). При этом реальная практика его применения и толкования существует в отношении довольно ограниченного числа норм УК. В первую очередь это касается ч. 1 ст. 349, ст. 424–426 УК. В научной литературе встречаются публикации, посвященные анализу этого признака указанных видов преступлений^{1*} [2–7]. Предлагаются и варианты толкования соответствующих признаков в научно-практической литературе^{2*}.

Одна из последних новелл УК – ст. 203¹ («Незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных») – также закрепляет в качестве обязательного признак «причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина». На сегодняшний день данный признак не рассматривался в научной литературе отдельно (некоторые исследователи частично затрагивали этот вопрос в публикациях [7–9]). С учетом высокой актуальности проблематики защиты информации о частной жизни и персональных данных видится необходимым научный анализ данного признака с опорой на существующие научные и прикладные подходы к толкованию его и его аналогов в различных видах преступлений.

Основная часть

Причинение существенного вреда в нормах Особенной части УК может рассматриваться в качестве признака последствия тех или иных деяний (например, в ст. 203¹, 204, 349, 384, 424 и др.). В данном случае речь идет о неопределенно оценочном виде последствий преступления как признаке объективной

стороны его состава [10, с. 435]. В этом отношении при анализе рассматриваемого признака необходимо учитывать следующее.

Вред, причиняемый общественным отношениям, определяется двумя обстоятельствами: особенностями объекта, на который было совершено

^{1*}Захилько К. С. Понятия «существенный вред» и «иные тяжкие последствия» в нормах гл. 31 УК [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2022.

^{2*}Лепехин А. Н. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений против информационной безопасности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Минск, 2007. 185 с. ; Ахраменка Н. Ф. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. Минск, 2010. 1063 с. ; Стук А. К., Турко В. Л., Парамонова Е. В., Игликова А. А. Практика прокурорского надзора. Поддержание государственного обвинения и надзор за законностью судебных решений по уголовным делам (извлечение) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2017.

посягательство, и объективной способностью деяния вызывать определенные изменения в окружающей действительности^{3*}. Как отмечала в связи с этим Н. Ф. Кузнецова, «общественно опасные последствия соединяют все другие элементы состава с объектом преступления. Без них система “состав” распадается, так как между действием и объектом оказывается разрыв... все остальные элементы состава – вина, мотив, цель, способ, специальные признаки субъекта – сфокусированы на причинение вреда (ущерба)» [11, с. 170]. Например, «вина состоит в психическом отношении к действиям и общественно опасным последствиям... способ совершения преступления – форма действия (бездействия), которая утяжеляет его общественно опасную направленность на достижение преступного результата» и т. д. [11, с. 170]. На необходимость системного рассмотрения общественно опасного последствия преступления и невозможность его обособления от категории общественных отношений, охраняемых той или иной статьей УК (объекта уголовно-правовой охраны), указывает большинство исследователей общественно опасных последствий в уголовном праве [10, с. 412–413]. Некоторые из ученых вовсе предлагают рассматривать последствия как часть категории «объект преступления» [10, с. 415, 535, 540, 547].

Указанное определяет, что существенный вред правам, свободам и законным интересам гражданина в конкретном случае совершения преступления, предусмотренного ст. 203¹ УК, должен рассматриваться как звено, соединяющее действие или бездействие, описанное в ст. 203¹ УК, и объект данного преступления. Возможная форма и содержание вины как признака рассматриваемого посягательства должна получить научно-практическое толкование не произвольно, а в контексте объекта, деяния, последствия и иных признаков, предусмотренных в ст. 203¹ УК.

Ст. 203¹ УК помещена в гл. 23 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». С учетом рассмотренного выше это определяет, что преступные последствия в виде существенного вреда должны всегда находить непосредственное отражение в области общественных отношений, связанных с обеспечением конституционных прав и свобод человека и гражданина. Все иные последствия (имущественный, моральный вред и т. д.) могут фиксироваться в процессуальных документах только в качестве обстоятельства, не находящегося в непосредственной причинно-следственной связи с деянием, описанным в ст. 203¹ УК. Как, например, обстоятельство, подтверждающее, что вред конституционным правам и свободам человека и гражданина действительно имел необходи-

мое количественное измерение. Это связано в том числе со следующей причиной.

В случае с многообъектными преступлениями в уголовном праве допускается множественность проявлений разнохарактерных негативных последствий в рамках одного преступления [10, с. 425–426]. В случае со ст. 203¹ УК такая возможность исключается. Исходя из содержания ст. 203¹ УК рассматриваемое преступление нельзя отнести к многообъектным, а соответствующий состав преступления – к сложным. В ст. 203¹ УК дается уточнение направленности признака существенного вреда (в отношении прав, свобод и законных интересов гражданина). С учетом выраженного бланкетного содержания признаков деяния в ст. 203¹ УК, предмета регулирования Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных», а также прямой корреляции предмета преступления, закрепленного в ст. 203¹ УК, и конституционных прав, закрепленных в ст. 28 Конституции Республики Беларусь, данное уточнение прямо конкретизирует содержание страдающих общественных отношений. Этот объект ограничивается кругом тех отношений, которые непосредственно охраняются гл. 23 УК. Каких-либо оснований для признания предусмотренного ст. 203¹ УК преступления многообъектным нет.

В указанном контексте следует иметь в виду, что не каждое обстоятельство, которое в научной литературе предлагается рассматривать в качестве существенного вреда относительно норм гл. 31, 35 УК, возможно квалифицировать как существенный вред применительно к ст. 203¹ УК. Так, согласно этой норме в качестве признака последствия преступления нельзя рассматривать вред государственным или общественным интересам, а также вред, причиненный правам, свободам и законным интересам третьих лиц, если он не стал прямым следствием существенного вреда, причиненного правам, свободам и законным интересам гражданина (в отношении сведений о котором были совершены незаконные действия).

В отношении рассмотрения признака последствий в ст. 203¹ УК важно отметить необходимость установить причинно-следственную связь между деянием и последствиями в виде существенного вреда правам, свободам и законным интересам потерпевшего. Не будет преступлением простое совпадение во времени умышленного незаконного сбора, предоставления, распространения информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица без его согласия и нанесения существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина [12]. Аналогично не могут рассматриваться в качестве преступления, предусмотренного

^{3*}Грунтов И. О. Последствия преступления // Белорус. юрид. энцикл. : в 4 т. Т. 3. П–С. Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. С. 116–118.

ст. 203¹ УК, последствия в виде существенного вреда, вызванные следующими деяниями:

- неумышленным незаконным сбором, предоставлением, распространением информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица без его согласия;
- незаконным сбором, предоставлением, распространением информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица, осуществленными с его согласия;
- умышленными блокированием, обезличиванием, систематизацией, изменением, использованием, хранением, предоставлением или удалением информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица, не связанными с их незаконным сбором, предоставлением, распространением (понятие ряда указанных вариантов поведения раскрывается в Законе Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных») и тому подобными действиями, даже если одновременно с указанными вариантами поведения имели место умышленные незаконные сбор, предоставление, распространение информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица без его согласия, не повлекшие причинение существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина.

В науке уголовного права при рассмотрении вопроса причинно-следственной связи в деянии, описанном в ст. 203² УК, уже отмечалось, что «речь идет об определении необходимой причинно-следственной связи между деянием, первичным и вторичным последствиями» [9, с. 91–92]. Это связано с тем, что в рамках уголовного права в большинстве случаев последствием преступления возможно признавать не любое явление, которое как-либо связано с деянием, а лишь явление, которое в данных конкретных условиях закономерно вызывает наступление определенного последствия (это явление в одинаковых условиях будет с большой вероятностью порождать определенные последствия). Если преступный результат в данных условиях не является закономерным, а возникает в результате вмешательства случайных факторов, причинно-следственная связь отсутствует. Поэтому не вполне корректно говорить о том, что «вред в рамках исследуемого деяния может выражаться, например, в причинении вреда здоровью, имуществу гражданина в связи со сбором, предоставлением, распространением сведений о нем, причинении убытков, увольнении с работы, необходимости изменения места жительства и др.» [8, с. 44–45], так как ряд из указанных обстоятельств не может с необходимой причинно-следственной связью вызываться сбором, предоставлением или распространением информации. Данные обстоятельства зачастую могут быть лишь опосредованно связаны с незаконными действи-

ями с информацией, вызываться последующими действиями с полученными или опубликованными сведениями, случайными событиями и т. д.

Это определяет то, что, говоря о существенном вреде правам, свободам и законным интересам граждан как последствию преступления, предусмотренного ст. 203¹ УК, необходимо разделять первичные и вторичные последствия. Изначально следует вести речь о вреде, который закономерно и непосредственно вызывается умышленным незаконным сбором, предоставлением, распространением информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица без его согласия, т. е. о нарушении конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных (самостоятельное первичное последствие). И только при наличии указанного вреда возможно говорить и о вреде, непосредственно и закономерно вызванном нарушением конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных (вторичное последствие).

В случае первичных последствий подобный вред связан со сбором или раскрытием информации, обладающей высокой значимостью для человека, что само по себе влечет негативные изменения для лица в связи с существенным и реальным нарушением безопасности сферы его личной жизни, коррелирующей с соответствующим конституционным правом, предусмотренным в ст. 28 Конституции Республики Беларусь и непосредственно охраняемым гл. 23 УК. В случае вторичных последствий вредом являются вызванные этим сбором или раскрытием негативные изменения в имущественном, физическом, моральном и правовом состоянии лица.

Указанные вторичные последствия не могут существовать без первичных и должны лишь дополнять и развивать их в мотивировке правоприменителя, подчеркивая значимость собранной или раскрытой информации. С учетом имеющейся практики и теории в области защиты права на информацию о частной жизни и персональных данных существенность первичного последствия (нарушения прав на защиту от незаконного вмешательства в частную жизнь и защиту персональных данных) предлагается мотивировать исходя из совокупности следующих обстоятельств: значимости информации для личности, ее вида и объема, возможности восстановления конфиденциальности сведений, негативного влияния конфиденциальной информации на честь и достоинство личности, утраты контроля над информацией о себе (в том числе в результате широкой публикации, включения ее в банки данных для обработки искусственным интеллектом и т. д.).

Вторичные последствия, развивающие и подтверждающие существенность первичных, могут выражаться в любых прямых последствиях несогласованного использования информации (моральные, социальные, материальные последствия и т. п.).

Ниже рассмотрим возможные варианты конкретного содержания вторичных последствий как обстоятельств существенного вреда правам, свободам и законным интересам гражданина в качестве признака незаконных действий в отношении информации о частной жизни и персональных данных.

С учетом отсутствия широкой практики применения рассматриваемого признака в отношении норм гл. 23 УК следует обратиться к анализу доктрины уголовного права, уголовно-правовых норм и правоприменительной практики, связанных с вопросами уголовной ответственности за наиболее распространенные преступления, обязательным признаком которых является причинение существенного вреда. В первую очередь необходим анализ преступлений против компьютерной безопасности и интересов службы. При этом необходимо учитывать сделанные ранее выводы о характеристиках последствий как признака, закрепленного в ст. 203¹ УК.

Для начала необходимо отметить, что в ст. 203¹ УК речь идет о понятии «существенный вред правам, свободам и законным интересам гражданина», тогда как в главе о преступлениях против интересов службы рассматривается более широкий термин «существенный вред правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам», а в главе о преступлениях против компьютерной безопасности – еще более широкий по содержанию термин «существенный вред». Закрепление в ст. 203¹ УК более узкого понятия отвечает рассмотренным выше представлениям о необходимости связи преступного последствия и объекта преступления (ст. 203¹ УК помещена в гл. 23 УК). При этом следует иметь в виду, что не каждое обстоятельство, которое в научной литературе предлагается рассматривать в качестве существенного вреда относительно норм гл. 31, 35 УК, возможно трактовать в качестве такового применительно к содержанию соответствующего признака в ст. 203¹ УК.

В УК или нормативных правовых актах Верховного Суда Республики Беларусь толкований признака «существенный вред» относительно преступлений против компьютерной безопасности не имеется. Более того, на сегодняшний день в правоприменительной практике отсутствуют единые подходы к толкованию понятия «существенный вред»^{4*}.

При рассмотрении в научной литературе признака «существенный вред» в составах преступлений против компьютерной безопасности Н. А. Швед, Н. Ф. Ахраменка и В. В. Лосев сходятся во мнении, что такой вред может иметь как материальный, так

и нематериальный характер. В целях классификации среди материальных последствий выделяют имущественный, физический и экологический вред.

При количественной оценке существенного вреда, выраженного в имущественных материальных последствиях, ученые расходятся во мнении. Так, Н. Ф. Ахраменка указывает, что за основу должен браться размер ущерба, в 250 и более раз превышающий базовую величину^{5*}. В. В. Лосев называет размер, в 40 и более раз превышающий базовую величину. В наиболее полном из существующих в Республике Беларусь исследовании, проведенном главным специалистом отдела криминологической экспертизы проектов законов Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Н. А. Швед, указанный ущерб оценивается в 10 базовых величин^{6*}. Позиция данного автора основывается на анализе социальных стандартов и размера средней заработной платы по Республике Беларусь^{7*}. Представители правоприменительного корпуса указывают на отсутствие каких-либо количественных ориентиров в этом вопросе.

Представляется, что количественная характеристика существенного вреда должна связываться с понятием малозначительности деяния. Применительно к имуществу граждан ущерб, в 10 и более раз превышающий размер базовой величины, в целом можно характеризовать как существенный вред. Однако следует отметить следующее.

Предложенный размер имущественного вреда коррелирует с оценкой минимальных последствий хищений имущества граждан. При этом общественная опасность хищений вытекает не только и не столько из стоимости похищенного имущества, сколько из иных криминообразующих обстоятельств (в первую очередь из способа хищения и корыстной направленности посягательства). В ст. 203¹ УК закрепляются совсем иные варианты поведения и меньший набор криминообразующих признаков. Следует признать, что типичная опасность мелкого хищения сама по себе выше опасности незаконных сбора, предоставления или распространения конфиденциальных сведений о лице, не повлекших каких-либо последствий в виде существенного вреда. Опасность последнего можно скорее соизмерить с уничтожением или повреждением имущества или причинением имущественного ущерба без признаков хищения, которые не повлекли значительного ущерба. В связи с этим для признания незаконных сбора, предоставления или распространения конфиденциальных сведений о лице общественно опасными деяниями в типичных ситуациях требуется причи-

^{4*} Швед Н. А. Уголовная ответственность за несанкционированный доступ к компьютерной информации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Минск, 2009. С. 66.

^{5*} Ахраменка Н. Ф. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу... С. 816.

^{6*} Швед Н. А. Уголовная ответственность за несанкционированный доступ...

^{7*} Там же. С. 66.

нение больших имущественных последствий, нежели имущественные последствия, характерные для преступного хищения.

Следует отметить, что в качестве ошибочной вышестоящие инстанции и надзорные органы называют позицию следственных органов и суда, связанную со ссылкой без дополнительного обоснования на то, что вред нельзя признать существенным, если связанный с ним размер ущерба не превысил 40 базовых величин^{8*}. По справедливому мнению правоприменителя, такая оценка незаконна, поскольку в качестве существенного вреда может оцениваться также вред, связанный с меньшим размером ущерба.

Учитывая вышесказанное, следует согласиться с примерным ориентиром, предложенным В. В. Лосевым (40 базовых величин), который опирался на значительный ущерб как криминообразующий признак в преступлениях против собственности, лишенных дополнительных криминообразующих признаков, характерных для хищения имущества (например, в ст. 214, 216 УК). Вариант же с размером в 250 базовых величин не следует признавать удачным, так как преступление, предусмотренное ст. 203¹ УК, является умышленным и сопряжено с причинением вреда исключительно гражданам, а не общественным и иным охраняемым законом интересам (как в случае со ст. 424 УК).

Все ученые сходятся во мнении, что при материальных последствиях как разновидности существенного вреда в преступлениях против компьютерной безопасности следует учитывать не только стоимость информации, но и затраты на ликвидацию последствий, упущенную выгоду. Следует согласиться, что это применимо и к рассматриваемому в настоящей статье преступлению. Все совокупные прямые имущественные последствия нарушения конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных могут быть характеристикой существенности его нарушения. Однако, учитывая умышленную форму вины, определенную законодателем в ст. 203¹ УК, все указанные материальные последствия должны предвидеться лицом, совершающим общественно опасное деяние, как его закономерный результат.

При оценке последствий в виде существенного вреда важен вопрос о способе оценки в случае нескольких деяний. По общепринятым представлениям, если существенный характер вреда складывается как совокупность вреда различного содержания, признаки преступления, предусмотренного ст. 203¹ УК, будут иметь место в ситуации, когда установлен

единый умысел лица на причинение существенного вреда, который складывается из совокупности вреда различного содержания.

В связи с этим следует признать, что существенность нарушения конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных может подтверждаться причинением гражданину в связи с его нарушением вторичного последствия (имущественного ущерба, как прямого, так и косвенного) ущерба в совокупном размере 40 базовых величин, если этот ущерб осознавался лицом как закономерное вторичное последствие нарушения конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных. Вместе с тем следует помнить, что речь идет только о примерных критериях. В конкретных ситуациях суд может увеличить или снизить данный размер вреда (40 базовых величин) с учетом имущественного положения потерпевшего, волатильности размера базовой величины, социально-экономических показателей и иных заслуживающих внимания обстоятельств.

Нематериальный характер существенного вреда в преступлениях против компьютерной безопасности, по мнению Н. А. Швед, подразумевает нарушение или ущемление прав и законных интересов граждан, организаций, нарушение их нормальной деятельности^{9*}, причинение морального вреда, ущерба деловой репутации^{10*}. В целом аналогичное определение дает Н. Ф. Ахраменка^{11*}. В. В. Лосев к указанной дефиниции добавляет характеристику «значительность нарушения или ущемления» [12, с. 42].

В ч. 1 п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст. 424–428 УК)» установлено, что при определении вреда как существенного необходимо «учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного физического или морального вреда и т. п. Существенный вред может выражаться, в частности, в нарушении конституционных прав и свобод граждан, в подрыве авторитета органов власти, государственных, общественных и других организаций, в нарушении общественного порядка».

В юридической литературе отмечается, что данные разъяснения не конкретизируют определение рассматриваемого признака [13]. Обоснованно указывается, что по своему содержанию оценка причиненного вреда как существенного должна основываться и подтверждаться объективными

^{8*} Дзедухин А. Н. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений... С. 38.

^{9*} Швед Н. А. Уголовная ответственность за несанкционированный доступ...

^{10*} Она же. Несанкционированный доступ к компьютерной информации: анализ состава преступления [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2017.

^{11*} Ахраменка Н. Ф. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу...

обстоятельствами (последствиями деяния), а не абстрактными «нарушениями принципов деятельности органов управления» [14, с. 246–247]. Более того, если вести речь о применимости указанного разъяснения к ст. 203¹ УК, в которой потерпевшими выступают исключительно граждане, их права и законные интересы, то комментарий инстанции будет выглядеть следующим образом: судам следует учитывать тяжесть причиненного физического или морального вреда и т. п. Существенный вред может выражаться, в частности, в нарушении конституционных прав и свобод граждан. Такие положения явно не дают какой-либо дополнительной информации о признаках, предусмотренных в ст. 203¹ УК.

В связи с указанным следует предположить, что нематериальный вторичный вред, подтверждающий существенность нарушения конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных, может выражаться в фактических изменениях психического, физического, биологического, химического, социального, экономического характера. При этом указанные изменения должны подтверждаться объективными обстоятельствами по материалам дела. Простой ссылки, к примеру, на физический вред, нарушение абстрактного конституционного права без установления, в чем они выразились, недостаточно. При этом состояние угрозы причинения существенного вреда не должно рассматриваться как существенный вред.

Для нарушения конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных, в том числе путем совершения деяний, описанных в ст. 203¹ УК, весьма характерно причинение физических и нравственных страданий потерпевшему (моральный вред). Это связано с пониманием потерпевшим того, что посторонние лица грубо вторгаются в его личную жизнь, знают о нем личную информацию и в любой момент могут ее использовать в незаконных целях (что зачастую необратимо), опубликовать, передать конкретным лицам и т. д. Это находит подтверждение и в научной литературе. Так, Н. Ф. Кузнецова отмечает, что преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина в первую очередь причиняют социальный и моральный вред [15, с. 314–315]. В связи с этим в правоприменительных документах при обосновании признака существенного вреда следует обязательно учитывать степень физического или нравственного страдания в результате нарушения указанного права.

Исходя из общепринятых подходов, основывающихся на содержании ст. 11 УК и примечаний к гл. 35 УК^{12*}, нанесение существенного вреда как последствия преступления, предусмотренного ст. 203¹ УК, возможно, когда в результате нарушения конститу-

ционного права на защиту частной жизни и персональных данных совершаются иные преступления. Так, посредством умышленного незаконного сбора, предоставления или распространения информации о частной жизни или персональных данных лицо может совершить уголовно наказуемое хулиганство (разместить на сайте организации собранные сведения о потерпевшем, содержание которых обладает свойствами, характерными для признака «исключительный цинизм», или информацию, посредством которой выражается явное неуважение к обществу, сопровождаемое угрозами насилия либо угрозами уничтожения или повреждения имущества, и т. д.), использовать или умышленно передать (опубликовать) сведения другим лицам для преследования с уголовно наказуемыми угрозами (ст. 186 УК), исказить сведения, выдав их за достоверные, и использовать данные для осуществления публичной клеветы (ст. 188 УК), распространить или прорекламировать порнографические материалы (ст. 343, 343¹ УК), совершить мошенничество, причинить имущественный ущерб без признаков хищения (ст. 216 УК), осуществить в последующем несанкционированный доступ к компьютерной информации (ст. 349 УК) с использованием персональных данных и т. д.

С учетом сказанного можно заключить, что совершение в результате незаконных действий с информацией о частной жизни и персональными данными иных правонарушений (административных, дисциплинарных, гражданско-правовых) само по себе не может подтверждать существенность нарушения конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных. Таким образом, следует признать необоснованной ссылку в правоприменительных документах для подтверждения существенности вреда на различные нарушения, в том числе грубые, служебных или профессиональных обязанностей, причинение имущественного ущерба (ст. 11.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях), совершение иных административных правонарушений, нарушение условий договора (в том числе соглашения о конфиденциальности), совершение иных действий, порочащих честь и достоинство гражданина (ст. 153 Гражданского кодекса Республики Беларусь), и т. д. В отличие от совершения преступления при рассмотрении незаконных действий с информацией о частной жизни и персональными данными в названных случаях, помимо ссылки на указанные вредоносные последствия, требуется дополнительное обоснование существенной степени негативного воздействия нарушений (или их совокупности) на потерпевшего.

Значительное нарушение или ущемление субъективных конституционных прав и законных интересов граждан также является видом нематериального

^{12*} Захилько К. С. Понятия «существенный вред» и «иные тяжкие последствия»...

существенного вреда. Такое нарушение или ущемление должно влечь негативные изменения в социальных отношениях (в том числе правоотношениях), причем в существенной степени. На практике ссылка на значительное нарушение или ущемление субъективных прав и законных интересов граждан для обоснования существенного вреда используется довольно часто. Так, например, в формулировках обвинения имеют место ссылки на «существенный вред, повлеченный ограничением договорных прав пользователей» при неправомерном приобретении реквизитов законных пользователей для выхода в интернет^{13*}, нарушение конституционного права на хранение и распространение информации при блокировании сайтов в интернете^{14*} или при распространении ложной информации о прекращении предпринимательской деятельности^{15*} и т. д.

Правами, полноценная реализация которых может быть затруднена в результате нарушения конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных, в том числе путем совершения деяний, описанных в ст. 203¹ УК, являются право на свободу вероисповедания, сохранение своей национальной принадлежности (распространение сведений об отношении к религии или сведений о национальности, если лицо скрывает этот факт), право на свободное выражение мнений и убеждений (если распространение, сбор или предоставление сведений о личной жизни или персональных данных влечет возможность выявить мнения или убеждения отдельных лиц в результате обработки данных с использованием искусственного интеллекта или вынуждает выражать мнение или убеждение помимо воли лица), право на участие в выборном процессе на основе тайного голосования (если собранные персональные данные позволяют определить содержание голоса конкретного потерпевшего), право равного доступа к любым должностям в государственных органах (если в результате незаконной обработки персональных данных или сведений о личной жизни лицу незаконно отказывают в занятии должности на основании не предусмотренного законом критерия, например из-за его религиозных убеждений, непосещения определенных мест и т. д.), право на справедливую долю вознаграждения в экономических результатах труда (если в результате незаконной обработки персональных данных или сведений о личной жизни лицу на основании незаконного критерия снижают положенную ему долю вознаграждения за труд) и т. д.

В связи с вышеуказанным следует обратить внимание на то обстоятельство, что при вменении признака последствия «существенный вред» отдельные суды не приводят в приговоре доказательства, на основании которых они пришли к выводу о причинении обвиняемым существенного вреда в результате преступления, и мотивы принятого решения.

На это обращает внимание Верховный Суд Республики Беларусь при разъяснении того, что вывод о причинении действиями виновного существенного вреда должен подтверждаться достаточной совокупностью доказательств, подвергнутых всестороннему, полному и объективному исследованию и оценке, а в приговоре надлежит приводить доказательства, на которых основан такой вывод, и мотивы принятого решения (см. постановление Президиума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 4 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против информационной безопасности (глава 31 УК)»). Указанная негативная тенденция рассматривать под причинением существенного вреда в основном абстрактное нарушение конституционных прав граждан, не раскрывая его содержание, отмечается и в научной литературе^{16*}. К сожалению, до сих пор встречаются случаи, когда правоприменитель дает указание на причинение существенного вреда без его конкретизации. Такой подход следует признать недопустимым, так как он противоречит принципу законности и создает угрозы расширительного толкования уголовного закона.

Поэтому важно отметить некоторую неопределенность в существующих разъяснениях правоприменительной практики, что в определенной мере не способствует решению указанной выше проблемы. Так, в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 г. № 9 «О приговоре суда» весьма размыто отмечается, что «признавая лицо виновным в преступлении, в составе которого имеются оценочные признаки (...существенный вред и другие), суд обязан привести доказательства, послужившие основанием для вывода о наличии в содеянном указанного признака»^{17*}. В целом указанное разъяснение не создает конкретной обязанности определенным образом аргументировать наличие признака существенного вреда в приговоре, содержит недосказанность о сути проблемы применения рассматриваемого признака судами. Оно лишь повторяет общие требования к приговору суда и его содержанию, не внося в них дополнительных отличительных характеристик

^{13*}Стук А. К., Турко В. Л., Парамонова Е. В., Изликова А. А. Практика прокурорского надзора...

^{14*}Швед Н. А. Уголовная ответственность за несанкционированный доступ... С. 63.

^{15*}Стук А. К., Турко В. Л., Парамонова Е. В., Изликова А. А. Практика прокурорского надзора...

^{16*}Там же.

^{17*}Здесь и далее курсив в цитатах наш. – К. З.

в отношении применения норм с признаком «существенный вред».

Указанное выше разъяснение существенно отличается от аналогичного разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, которое сконструировано более удачно и может рассматриваться как положительный опыт. Так, в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» конкретно определяется, что «признавая подсудимого виновным в совершении преступления по признакам, относящимся к оценочным категориям (например... существенный вред), суд не должен ограничиваться ссылкой на соответствующий признак, а обязан привести в описательно-мотивировочной части приговора обстоятельства, послужившие основанием для вывода о наличии в содеянном указанного признака». Указанное разъяснение более четко отмечает проблему, описанную в постановлении Президиума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 4 «О практике рассмотрения

судами уголовных дел о преступлениях против информационной безопасности (глава 31 УК)», способствует обеспечению принципа законности уголовного права и уголовной ответственности, позволяет последовательно обеспечивать уголовно-правовыми средствами права и законные интересы граждан и должно получить закрепление в правовой системе Республики Беларусь.

Вместе с тем стоит признать, что одной из значительных причин, по которой правоприменитель не стремится отдельно аргументировать основания для вывода о наличии в содеянном указанного признака, является отсутствие в науке уголовного права единообразных критериев, на которые было бы возможно опереться при описании правоприменителем мотивов принятого решения. Это выливается в небывалое разнообразие подходов. Следовательно, необходимым видится формирование единообразной практики обоснования наличия признака существенного вреда при совершении соответствующих преступлений.

Заключение

Подводя итог сказанному выше, мы можем сделать следующие выводы.

1. Говоря о существенном вреде правам, свободам и законным интересам граждан как последствиях преступления, предусмотренного ст. 203¹ УК, необходимо разделять первичные и вторичные последствия.

2. Вред, который закономерно и непосредственно вызывается умышленным незаконным сбором, предоставлением, распространением информации о частной жизни и (или) персональных данных другого лица без его согласия, т. е. нарушение конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных, является обязательным самостоятельным первичным последствием преступления, предусмотренного ст. 203¹ УК.

3. С учетом имеющейся практики и теории в области защиты права на информацию о частной жизни и персональных данных существенность первичного последствия (нарушение прав на защиту от незаконного вмешательства в частную жизнь и защиту персональных данных) предлагается определять исходя из совокупности следующих обстоятельств: значимости информации для личности, вида информации и объема данных, возможности восстановления конфиденциальности сведений, негативного влияния конфиденциальной информации на честь и достоинство личности, утраты контроля над информацией о себе (в том числе в результате широкой публикации, включения ее в банки данных для обработки искусственным интеллектом и т. д.).

4. Вред, непосредственно и закономерно нанесенный нарушением конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных,

можно рассматривать как вторичное последствие преступления, предусмотренного ст. 203¹ УК. Его наличие необязательно для применения ст. 203¹ УК, но может служить дополнительным обоснованием существенности нарушения конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных.

5. Существенность нарушения конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных может подтверждаться причинением гражданину в связи с нарушением данного права вторичного последствия (в первую очередь морального и социального вреда, а также имущественного ущерба).

6. Нарушение конституционного права на защиту частной жизни и персональных данных, в том числе путем совершения деяний, описанных в ст. 203¹ УК, характеризуется причинением морального вреда потерпевшему. В связи с этим в правоприменительных документах при обосновании признака существенного вреда следует обязательно учитывать степень физического или нравственного страдания, причиненного в результате нарушения указанного права.

7. Отдельные правоприменители не приводят в приговоре доказательства, на основании которых они пришли к выводу о причинении обвиняемым существенного вреда в результате преступления, и мотивы принятого решения. Такой подход следует признать недопустимым, так как он противоречит принципу законности и создает угрозы расширительного толкования уголовного закона.

Для решения данной проблемы, учитывая позитивный опыт Верховного Суда Российской Федерации, предлагается в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентя-

бря 2001 г. № 9 «О приговоре суда» сформулировать следующее правило: «Признавая обвиняемого виновным в совершении преступления по признакам, относящимся к оценочным категориям (например... существенный вред), суд не должен ограничивать-

ся ссылкой на соответствующий признак, а обязан привести в описательно-мотивировочной части приговора обстоятельства, послужившие основанием для вывода о наличии в содеянном указанного признака».

Библиографические ссылки

1. Ковальчук АВ. Существенный вред как оценочный признак в Уголовном кодексе Республики Беларусь. *Юстиция Беларуси*. 2017;10:42–26.
2. Гончарова Г. К вопросу о значении понятия существенного вреда по делам о преступлениях против интересов службы. *Законность и правопорядок*. 2011;3:30–34.
3. Дубко МА. Неправомерное завладение компьютерной информацией: существенный вред в составе преступления. *Право.by*. 2016;3:39–44.
4. Кулеш В, Хилюта В. Существенный вред как обязательное преступное последствие злоупотребления властью или служебными полномочиями. *Судовы веснік*. 2019;2:73–80.
5. Лосев В. Существенный вред в составах преступлений против интересов службы. *Законность и правопорядок*. 2013;4:57–61.
6. Харчейкина Ю. Существенный вред как последствие преступлений против интересов службы. *Законность и правопорядок*. 2020;4:20–21.
7. Дубко МА, Полещук ДГ. Уголовно-правовое обеспечение информационной безопасности: обзор изменений и рекомендации по применению. *Предварительное расследование*. 2021;1:77–85.
8. Полещук Д. Ответственность за незаконные действия с персональными данными: текущее состояние и перспективы. *Законность и правопорядок*. 2020;4:44–49.
9. Пухов АА. Уголовно-правовая защита неприкосновенности частной жизни и персональных данных в свете изменений уголовного закона. *Право.by*. 2021;4:85–92.
10. Лопашенко ИА, редактор. *Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. Том VI. Объект преступления. Объективная сторона преступления*. Москва: Юрлитинформ; 2016. 632 с.
11. Кузнецова НФ. *Проблемы квалификации преступлений*. Москва: Городец; 2007. 332 с.
12. Лосев ВВ. Преступления против информационной безопасности. *Судовы веснік*. 2002;1:40–43.
13. Лосев ВВ. Существенный вред в составах преступлений против интересов службы. *Законность и правопорядок*. 2013;4:57–61.
14. Асанова ВВ, Бабий НА, Барков АВ, Войтова ДА, Карабельникова АС, Киреенко ПЯ и др. *Коррупционная преступность: криминологическая характеристика и научно-практический комментарий к законодательству о борьбе с коррупцией*. Минск: Тесей; 2008. 504 с.
15. Кузнецова НФ. Преступления и иные правонарушения. В: Борзенков ГН, редактор. *Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 250-летию образования МГУ имени М. В. Ломоносова; 27–28 мая 2004 г.; Москва, Россия*. Москва: ЛексЭст; 2005. с. 313–317.

References

1. Kovalchuk AV. [Significant harm as an evaluation feature in the Criminal Code of the Republic of Belarus]. *Yustitsiya Belarusi*. 2017;10:42–26. Russian.
2. Goncharova G. [To the question of the meaning of the concept of significant harm in cases of crimes against the interests of the service]. *Zakonnost' i pravoporyadok*. 2011;3:30–34. Russian.
3. Dubko MA. Misappropriation of computer information: substantial harm in the composition of the crime. *Pravo.by*. 2016;3:39–44. Russian.
4. Kulesh V, Khilyuta V. [Significant harm as an obligatory criminal consequence of abuse of power or official authority]. *Sydovy vesnik*. 2019;2:73–80. Russian.
5. Losev V. [Significant harm in the composition of crimes against the interests of the service]. *Zakonnost' i pravoporyadok*. 2013;4:57–61. Russian.
6. Kharcheykina Y. [Significant harm as a consequence of crimes against the interests of the service]. *Zakonnost' i pravoporyadok*. 2020;4:20–21. Russian.
7. Dubko MA, Poleshchuk DG. Criminal law support of information security: review of changes and recommendations for application. *Preliminary investigation*. 2021;1:77–85. Russian.
8. Poleshchuk D. [Responsibility for illegal actions with personal data: current state and prospects]. *Zakonnost' i pravoporyadok*. 2020;4:44–49. Russian.
9. Pukhov AA. Criminal law protection of privacy and personal data in the light of changes in the criminal law. *Pravo.by*. 2021;4:85–92. Russian.
10. Lopashenko IA, editor. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Prestuplenie. Akademicheskii kurs. Tom VI. Ob'ekt prestupleniya. Ob'ektivnaya storona prestupleniya* [Criminal law. A Common part. A crime. Academic course. Volume 6. The object of the crime. The objective side of the crime]. Moscow: Yurлитinform; 2016. 632 p. Russian.
11. Kuznetsova NF. *Problemy kvalifikatsii prestuplenii* [Problems of qualification of crimes]. Moscow: Gorodets; 2007. 332 p. Russian.
12. Losev VV. [Crimes against information security]. *Sydovy vesnik*. 2002;1:40–43. Russian.

13. Losev VV. [Significant harm in the composition of crimes against the interests of the service]. *Zakonnost' i pravoporyadok*. 2013;4:57–61. Russian.

14. Asanova VV, Babii NA, Barkov AV, Voitova DA, Karabelnikova AS, Kireenko PYa, et al. *Korrupsionnaya prestupnost': kriminologicheskaya kharakteristika i nauchno-prakticheskii kommentarii k zakonodatel'stvu o bor'be s korrupsiei* [Corruption crime: criminological characteristics and scientific and practical commentary on the legislation on combating corruption]. Minsk: Tesei; 2008. 504 p. Russian.

15. Kuznetsova NF. [Crimes and other offenses]. In: Borzenkov GN, editor. *Sootnoshenie prestuplenii i inykh pravonarushenii: sovremennye problemy: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 250-letiyu obrazovaniya MGU imeni M. V. Lomonosova; 27–28 maya 2004 g.; Moskva, Rossiya* [Correlation of crimes and other offenses: modern problems: materials of the 4th International scientific and practical conference, dedicated 250th anniversary of the formation of Lomonosov Moscow State University; 2004 May 27–28; Moscow, Russia]. Moscow: LeksEst; 2005. p. 313–317. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.06.2022.
Received by editorial board 24.06.2022.